

© 2025 г. С.Г. АЛЛЕНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОДГОТОВКЕ НАЦИСТСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ НАСЕЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ИЮНЕ 1941 года

Алленов Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж, Россия).

E-mail: allenov.sg@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9977-4089; Researcher ID: LYO-9100-2024

Аннотация. На протяжении многих десятилетий одним из важных аспектов изучения истории Второй мировой войны является поиск ответа на вопрос о причинах эффективности нацистской пропаганды, сумевшей обеспечить безусловную поддержку агрессии против СССР абсолютным большинством немецкого народа. Основная цель настоящей статьи — критическая проверка широко распространенных в отечественной и зарубежной историографии представлений о том, что залогом успеха психологической мобилизации Германии стало заблаговременное и настойчивое внедрение в немецкое массовое сознание выдвинутых Гитлером в *Mein Kampf* идей колонизации советских земель и расовой неполноценности славянских народов. Проводимый в рамках исследования анализ публичных материалов нацистской антисоветской пропаганды, а также секретных указаний Гитлера и Геббельса по ее выполнению позволяет определить, насколько ее содержание накануне и в первые дни агрессии соответствовало основным постулатам «расово-геополитической» доктрины Гитлера и реальным целям, которые Германия преследовала в войне. Выводы автора о том, что руководство Третьего рейха отказалось от использования этой доктрины для легитимации нападения на СССР в пользу тезиса о «превентивной», а значит, «справедливой» войне, а также о том, что нацистская агрессия не связывалась в немецком массовом сознании с гитлеровскими планами завоевания «восточного пространства», могут способствовать более глубокому пониманию причин эффективности нацистской пропаганды в деле мобилизации немцев на борьбу «до последнего конца».

Ключевые слова: Вторая мировая война, Германия, СССР, агитация, пропаганда, Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, превентивная война, нацистский режим, идеология.

S.G. Allenov

The Propaganda Preparations for Nazi Aggression Against the USSR and German Public Sentiment in June 1941

Sergey Allenov, Military Training and Research Center of the Air Forces “Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy” (Voronezh, Russia).

E-mail: allenov.sg@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9977-4089; Researcher ID: LYO-9100-2024

Abstract. The question of why Nazi propaganda was so effective in securing widespread German support for the invasion of the Soviet Union has remained a central issue in Second World War historiography for decades. This article critically examines the prevailing domestic and international historiographical perspectives that attribute this success to the early and persistent introduction of colonisation narratives and the racial inferiority of Slavic peoples – concepts advanced by Hitler in “Mein Kampf” – into the German mass consciousness. By analysing public Nazi anti-Soviet propaganda materials, as well as Hitler’s and Goebbels’ classified directives on its implementation, this study seeks to determine the extent to which wartime propaganda aligned with Hitler’s racial and geopolitical doctrine and Germany’s actual strategic objectives. The findings suggest that the German leadership deliberately refrained from employing racial and colonial rhetoric to legitimise the attack on the USSR, instead advancing the narrative of a “preventive” and thus “just” war. Moreover, Nazi aggression was not widely perceived by the German public as a realisation of Hitler’s plans for the conquest of “Eastern space”. These conclusions contribute to a deeper understanding of the mechanisms and effectiveness of Nazi propaganda in mobilising German society for total war.

Keywords: Second World War, Germany, USSR, propaganda, agitation, Adolf Hitler, Joseph Goebbels, preventive war, Nazi regime, ideology.

Совершив нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г., нацистская Германия сделала решающий шаг на пути реализации преступной программы, нацеленной на завоевание «жизненного пространства на Востоке» и закрепление немецкой гегемонии в Европе. Несмотря на невиданную бесчеловечность методов, использованных гитлеровским руководством для достижения указанных целей в ходе войны против СССР, «Русский поход» вермахта был поддержан подавляющим большинством населения рейха. Первыми попытками объяснения феномена участия немецкого народа в нацистских преступлениях стали, с одной стороны, заявления о его врожденной жестокости, порой звучавшие в годы войны в СССР и других странах антигитлеровской коалиции, с другой – послевоенные утверждения самих немцев об их неведении относительно этих преступлений. Однако ни первая версия, имевшая изначально пропагандистский и в некотором смысле обывательский характер, ни вторая, не выдержавшая проверки фактами, не получили распространения в научной литературе. Ввиду откровенно диктаторской природы гитлеровского режима его ранние исследователи были склонны объяснять лояльность большинства населения Германии проводившейся нацистами политике (в том числе поддержку войны против СССР) преимущественно страхом перед террором. Однако более глубокое изучение историками социальных и политических реалий гитлеровского рейха позволило прийти к выводу, что эта лояльность «ни в коем случае не базировалась исключительно или хотя бы в основном на терроре»¹.

На протяжении десятилетий в отечественной и зарубежной историографии господствует убеждение, что поддержка большинством немцев «Русского похода» была обусловлена прежде всего воздействием нацистской пропаганды, которая приносила эффективные результаты уже в первые годы после прихода НСДАП к власти. Многие исследователи солидарны и в том, что ее идеологический контент был сформулирован в середине 1920-х годов в программном сочинении Адольфа Гитлера *Mein Kampf* («Моя борьба»), в котором приводился план германской колонизации советских земель и закабаления населявших их «расово неполноценных» народов². Уже сам факт широкого распространения данного произведения в Германии в 1930-е годы нередко приводит историков к мысли о том, что заблаговременное внедрение его основных постулатов в массовое сознание немцев предопределило особую

¹ Jäckel E. Hitler und die Deutschen // Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz / Hrsg. K.D. Bracher. Bonn, 1986. S. 712.

² Открытый призыв к агрессии против СССР и ее развернутое обоснование содержатся не в изданном в 1925 г. первом томе *Mein Kampf*, как часто принято полагать, а во втором, который был опубликован в декабре 1926 г. См.: Hitler A. *Mein Kampf*. Zwei Bände in einem Band. Ungekürzte Ausgabe. München, 1943. S. 742–743.

жестокость методов, использованных нацистами в ходе войны против СССР и в политике по отношению к гражданскому населению оккупированных территорий, а также одобрение действий вермахта и СС на Восточном фронте большинством населения рейха³. Так, в историографии и публицистике разных стран сложился устойчивый образ немцев — не только военнотружущих, но и гражданских лиц, — исполненных уже к началу войны стремления к захвату советских земель и расово мотивированной ненависти к народам СССР⁴. Не подвергая сомнению принципиальный тезис об исключительной роли нацистской пропаганды в обеспечении массовой поддержки «Русского похода», следует все же заметить, что описанные выше представления о том, что она была обусловлена прежде всего «расово-идеологическим» и «геополитическим» факторами, носят во многом априорный характер и скорее вытекают из допущения *post hoc, ergo propter hoc*, нежели из внимательного изучения источников. К сожалению, исследования, в которых подробно рассматривается «механика» воздействия нацистской агитации на гражданское население Германии накануне и в начальный период войны против СССР и превращения большинства немцев в ее осознанных соучастников, до сих пор носят единичный характер⁵. Однако даже авторы таких работ (например, Ю.Я. Орлов, В. Ветте, Р. Кершоу) склонны порой неправомерно отождествлять идеологические догматы нацизма или конфиденциальные заявления руководителей НСДАП с собственно пропагандой, нацистский антисоветизм — с русофобией, а звучавшие в публичном пространстве Германии заявления о немецком культурном превосходстве над славянами — с проявлениями биологического расизма⁶.

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка определить, в какой мере «расово-геополитические» установки, изложенные Гитлером в 1926 г. в *Mein Kampf*, а также последующие планы по их реализации были использованы в пропагандистском обеспечении агрессии против СССР и какое влияние они оказывали на морально-психологическое состояние подданных рейха накануне и в первые дни войны. Исследование базируется на материалах нацистской публичной пропаганды и документах, в которых отражены основные принципы ее организации и методы ведения. При изучении вопроса о воздействии нацистской агитации на население Германии использовались письма и дневники частных лиц и секретные донесения Службы безопасности СС (СД). Представляется, что детальный анализ этих источников позволит расширить представления о ходе и содержании развернутой нацистами пропагандистской кампании в пользу войны против СССР, а также ответить на вопрос о причинах безоговорочной поддержки большинством подданных рейха «Русского похода».

При рассмотрении интересующей проблематики, очевидно, не следует забывать, что воинствующий антибольшевизм и вытекавший из него культ ненависти к СССР вкупе с расовым антисемитизмом являлись неотъемлемой частью идеологии НСДАП. С приходом Гитлера к власти в январе 1933 г. эти элементы нацистской доктрины стали определяющими и в государственной политике. Однако ввиду дипломатического сближения Германии

³ См., например: Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1982. С. 241–242; Великая Отечественная война. 1941–1945: в 12 т. / под ред. С.К. Шойгу. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 447.

⁴ См., например: Jahn P., Rürup R. Erobern und vernichten: Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin, 1991. S. 10–11; Гогун А.С. Черный PR Адольфа Гитлера: СССР в зеркале нацистской пропаганды. Документы и материалы. М., 2016. С. 49–50.

⁵ См., например: Bartov O. Hitlers Wehrmacht. Soldaten, Fanatismus und die Brutalisierung des Krieges. Hamburg, 1995; Shtyrkina O. Mediale Schlachtfelder. Die NS-Propaganda gegen die Sowjetunion (1939–1945). Frankfurt a.M., 2018; Старгаardt H. Мобилизованная нация. Германия 1939–1945 / пер. с англ. А.З. Колина. М., 2021.

⁶ См., например: Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985; Wette W. Die propagandistische Begleitmusik zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion am 22. Juni 1941 // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. “Unternehmen Barbarossa” 1941 / Hrsg. G.R. Ueberschär. Paderborn, 1984. S. 45–66; Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных / пер. с англ. А.Л. Уткина. М., 2010.

с СССР летом 1939 г. и негласного отказа двух государств от взаимной критики антисоветизм на время исчез из официальной пропаганды. С лета 1940 г. этот «мораторий» стал для немецкой стороны одним из средств обеспечения секретности планов нападения на Советский Союз и мероприятий по его подготовке. Какие-либо пропагандистские выпады в адрес будущего противника вплоть до 22 июня 1941 г. были исключены, поскольку они могли свести на нет фактор внезапности, что, по мнению руководителей Германии, отразилось бы на успехе предстоящей военной кампании. Не случайно вскоре после вторжения в СССР Гитлер счел необходимым поблагодарить Геббельса и его аппарат за проявленную в целях ее «маскировки» «дисциплину и выдержку», которые, по подсчетам фюрера, помогли сохранить жизни не менее 200 тыс. немецких солдат⁷.

Утром 22 июня 1941 г. рупоры нацистской антисоветской пропаганды были расчехлены и, прервав двухлетнее молчание, загрохотали в унисон с пушками вермахта. Прежде всего власти рейха попытались оправдать агрессию в тексте ноты имперского МИД, одновременно врученной послом Германии в Москве Вернером фон дер Шуленбургом народному комиссару иностранных дел СССР Вячеславу Молотову и нацистским министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом советскому послу в Берлине Владимиру Деканозову. Спустя два часа этот текст был изложен в выступлении Риббентропа на пресс-конференции перед немецкими и иностранными журналистами, которое транслировалось по Всегерманскому радио⁸. Советский Союз обвинялся в ведении подрывной деятельности на территории рейха, концентрации войск вблизи его границ, развертывании экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе и других недружественных действиях. Озвученные претензии должны были служить доказательствами несоблюдения Москвой взятых на себя в августе 1939 г. обязательств и ее намерения «нанести удар в спину борющейся за свое существование национал-социалистической Германии». В заключении ноты сообщалось об отданном фюрером приказе «противостоять указанной опасности всеми имеющимися силами», что следовало понимать как иносказательную форму объявления превентивной войны⁹.

Эти аргументы были приведены в то же утро и в зачитанном имперским министром пропаганды Йозефом Геббельсом по Всегерманскому радио воззвании Гитлера к немецкому народу. Текст выступления фюрера пронизывала параноидальная уверенность в существовании мирового «еврейско-большевистского и англосаксонского заговора» с целью не допустить начавшегося при нацистском режиме возрождения «униженной Версалем немецкой нации». С точки зрения Гитлера, Советский Союз являлся силой, преследовавшей свои экспансионистские цели в Центральной и Юго-Восточной Европе и в то же время осуществлявшей в сговоре с Англией политику «окружения Германии для порабощения ее народа»¹⁰. Военные и внешнеполитические шаги, предпринятые СССР в конце 1939 — начале 1941 г. для укрепления (как полагали в Кремле) его безопасности, нацистский вождь преподносил в качестве этапов реализации этого «тайного плана». При перечислении последних Гитлер приводил примеры попыток во что бы то ни стало сохранить мирные отношения с Москвой, которые были инициированы им, даже невзирая на то, что советское руководство раз за разом нарушало договоренности и готовилось к нанесению решающего удара по Германии¹¹. По его заверениям, «еврейско-большевистские правители в Кремле» в своем упорном преследовании данной цели по сути уже разорвали пакт с Германией и стали союзниками Англии, проводя политику, которая несла и будет нести «нужду, горе и хаос». Подытоживая свое воззвание, Гитлер, избегая слова «война», объявил о своем

⁷ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1363к. Оп. 7. Д. 27. Л. 12; *Goebbels J. Tagebücher 1924–1945* / Hrsg. R.G. Reuth. München u.a., 2003. S. 1626.

⁸ См.: Der 22. Juni 1941 im Deutschen Rundfunk // *Jugend in Deutschland 1918–1945*. URL: <https://roos.jugend1918-1945.de/default.aspx?root-&id=28573> (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ См.: Proklamation des Führers an das deutsche Volk und Note des Auswärtigen Amtes an die Sowjet-Regierung nebst Anlagen. Gedruckt im Deutschen Verlag. 22.06.1941. S. 17–30.

¹⁰ Ibid. S. 5–6, 8–11.

¹¹ Ibid. S. 6–11.

решении «вложить судьбу и будущее Германского рейха в руки немецких солдат» и назвал задачей вновь созданного фронта «не только защиту отдельных стран, но и сохранение Европы, а значит, спасение всех» от исходящей с Востока военно-политической угрозы¹².

Таким образом, тезис об упреждающем характере нападения на Советский Союз стал первым пропагандистским оружием Германии, пущенным в ход уже через считанные минуты после начала военных действий. Между тем, как многократно отмечалось в историографии, несостоятельность данного тезиса очевидна уже при его сопоставлении с внешнеполитической программой, которая за пятнадцать лет до этого была обнародована Гитлером в *Mein Kampf*. Действительно, ни нота германского МИД, ни воззвание фюрера не содержали намеков на ключевое положение данной программы, гласившее, что главной целью рейха станет «завоевание жизненного пространства» для немцев за счет территорий России и «подчиненных ей окраинных государств»¹³. Не были озвучены в день вторжения в СССР и напыщенные пассажи *Mein Kampf* о том, что «земля на Востоке оправдает перед богом и будущим потомством» ту кровь, которую прольют за нее немецкие сыны, «равно как и тех государственных мужей, которые возьмут на себя ответственность за пролитие этой крови»¹⁴.

В перечне мотивов, которыми Гитлер официально обосновывал необходимость нападения на СССР, отсутствовал и его старый довод в пользу «экспансии на Востоке» — утверждение о расовой неполноценности русских, их неспособности к управлению собственной страной и превращении их государства в орудие для достижения еврейского мирового господства¹⁵. Представляется очевидным, что эти «умолчания» были необходимы для того, чтобы агрессия против Советского Союза имела видимость акта самозащиты. Однако тот факт, что предметом замалчивания в столь важный момент стали давно известные и, казалось бы, как никогда актуальные планы, реализация которых ранее провозглашалась Гитлером одной из главных задач национал-социализма, заставляет задуматься не только над причиной столь крутого пропагандистского маневра, но и над тем, как, собственно, он стал возможен.

Нелишне предположить, что отказ Гитлера от использования его геополитической доктрины для пропагандистского обеспечения «Русского похода» не был продиктован оглядкой на давно попорченное им международное право и мировое общественное мнение. Анализ некоторых источников позволяет полагать, что важной причиной утаивания истинных целей агрессии являлось нежелание фюрера спровоцировать более сильный отпор со стороны Красной армии, способность которой к сопротивлению он, впрочем, изначально оценивал не слишком высоко¹⁶. Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что фюрер пренебрег бы и этим опасением, если бы был уверен, что его народ, как и он, фанатично привержен идее завоевания и колонизации «восточного пространства». От провозглашения этой идеи целью военной кампании его могло удержать лишь осознание того, что сформулированная им в *Mein Kampf* «историческая миссия» национал-социализма — воспитание соотечественников «в осознании перспектив работы немецкого орала на почве, завоеванной немецким мечом»¹⁷, — к лету 1941 г. так и не была осуществлена. Замалчивание далеко идущих планов по «освоению жизненного пространства на Востоке» в момент начала их претворения в жизнь нельзя расценить иначе как следствие серьезных сомнений Гитлера в возможности всенародной поддержки войны, начатой под откровенно захватническими лозунгами. Косвенным доказательством этого является тот факт, что в своем воззвании

¹² Ibid. S. 12–13.

¹³ См.: *Hitler A. Mein Kampf*. S. 742.

¹⁴ Ibid. S. 739, 755, 757.

¹⁵ Ibid. S. 743.

¹⁶ См., например: *Goebbels J. Tagebücher 1924–1945*. S. 1592–1593, 1601.

¹⁷ *Hitler A. Mein Kampf*. S. 743.

22 июня он предпочел заверить *urbi et orbi* в отсутствии у немцев враждебных чувств к «народам России»¹⁸.

Позднее, в своем обращении к «фронту и тылу» 3 октября 1941 г., Гитлер заявил, что приказ о нападении на Советский Союз был «самым трудным решением в его жизни», потребовавшим от него «величайшего напряжения сил»¹⁹. Правда, высказываясь на эту тему в приватной обстановке, он имел в виду уже не свое мнимое нежелание войны, а осознание внутриполитических рисков, вытекавших из отсутствия ее пропагандистской и психологической подготовки. О наличии таких опасений накануне и в первые дни «Русского похода» фюрер признавался Геббельсу (в ходе приватного разговора, состоявшегося 9 июля 1941 г.), а также своему ближайшему окружению (во время одной из «застольных» бесед в штаб-квартире 9 сентября того же года)²⁰. Последний раз Гитлер обратился к данной теме в феврале 1945 г., когда размышлял о важнейших шагах, предпринятых им в ходе фактически уже проигранной войны. В своих монологах, которые вскоре после их публикации приобрели известность как неофициальное политическое завещание фюрера, он вновь, как и 20 лет назад, называл «обеспечение для немцев неотъемлемого пространства на Востоке» «поистине жизненной задачей» национал-социалистического рейха и призыванием собственной жизни, а также неоднократно сетовал на козни врагов, вынудивших его начать войну против СССР преждевременно, не дав возможности «морально вооружить» Германию, т.е. по-настоящему внедрить свое «расово-геополитическое» учение «в умы и сердца» ее масс и элит и тем самым сделать рейх непобедимым²¹.

По сути, эти неоднократные признания являлись констатацией отсутствия сколько-нибудь серьезного влияния экспансионистских постулатов *Mein Kampf* на умонастроения немцев в июне 1941 г. и их готовность проливать свою кровь на Востоке. Более того, уже в самом этом сочинении нацистский вождь с горечью признавал, что его русофобские откровения вызывали не слишком восторженный отклик даже среди «старых борцов» НСДАП²² (очевидно, имея в виду приверженцев братьев Штрассеров), а в написанной в 1928 г. «Второй книге Гитлера» (*Hitlers Zweites Buch*) выражал сожаление, что «в Германии еще и сегодня есть благонамеренные национально мыслящие мужчины, которые всерьез верят в возможность сотрудничества с Россией»²³. О том, что победа фюрера в этом заочном споре с представителями «левого крыла» собственной партии не была предпринята, может свидетельствовать его отказ от публикации уже готовой рукописи «Второй книги», который, как он отмечал в одной из позднейших бесед в узком кругу, был обусловлен стремлением избежать «немыслимых политических осложнений»²⁴.

Еще одним свидетельством отсутствия единомыслия по «русскому вопросу» в рядах НСДАП может служить выход в свет в 1929 г. во многом автобиографической повести Геббельса *Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern* («Михаэль. Германская судьба в дневниковых листках»), герой которой, как некогда и сам автор, прошел путь от поклонника Ф.М. Достоевского, плененного его посланием о национальном самоутверждении русского «народа-богоносца», до осознавшего свою «немецкую самость» национал-социалиста²⁵. Пожалуй, единственным объяснением факта публикации этой книги в центральном

¹⁸ Proklamation des Führers. S. 5–16.

¹⁹ Der Führer an Front und Heimat. Die Grosse Kundgebung im Sportpalast // Deutsche Allgemeine Zeitung. 04.X.1941.

²⁰ Goebbels J. Tagebücher 1924–1945. S. 1625; Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen H. Heims / Hrsg. W. Jochmann. München, 1986. S. 45–46.

²¹ Hitlers politisches Testament. Die Bormann-Diktate vom Februar und April 1945 / Mit einem Essay von H.R. Trevor-Roper // Internet-Archive. URL: <https://archive.org/details/Die-Bormann-Diktate-vom-Februar-und-April-1945/mode/2up> (дата обращения: 30.03.2024).

²² Hitler A. Mein Kampf. S. 727.

²³ Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 / Hrsg. G.L. Weinberg. Stuttgart, 1961. S. 148, 152, 154–158.

²⁴ Шнеп А. Воспоминания / пер. с нем. И.В. Розанова, С.Л. Фридлянд. Смоленск, 1997. С. 137, 183.

²⁵ См.: Goebbels J. Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern. München, 1929.

партийном издательстве могло быть лишь стремление гауляйтера Берлина показать пример личного освобождения от соблазна «русской идеи» и поддержать фюрера в подспудной дискуссии с «левыми» национал-социалистами, которые продолжали видеть в России (пусть и советской) потенциальную союзницу Германии в борьбе против либерального Запада.

О том, что и после прихода к власти искоренить «пророссийские» настроения в НСДАП ее руководству так и не удалось, говорит, в частности, изданное летом 1937 г. одним из главных нацистских идеологов Альфредом Розенбергом секретное предписание органам партийной учебы продолжать противодействие «национал-большевистским» тенденциям в «рядах соратников», усилить критику коммунизма и очистить ее от «малоубедительных формулировок»²⁶. Однако после заключения 23 августа 1939 г. договора о ненападении между Германией и СССР и последовавшего вслед за этим потепления в отношениях между двумя странами Розенбергу и Геббельсу пришлось прилагать дополнительные усилия, чтобы сдерживать все те же тенденции в партийной среде, а также публикации в нацистской прессе, звучавшие слишком комплиментарно по отношению к недавнему смертельному врагу²⁷.

Испытывая определенные затруднения в прививке «единственно правильной», т.е. сугубо агрессивной позиции по «русскому вопросу» собственным однопартийцам, Гитлер и его соратники вряд ли могли рассчитывать на больший успех в идеологической обработке большинства населения рейха. С конца 1920-х годов они воздерживались от использования планов восточной экспансии в качестве пропагандистского козыря в наступившей череде выборов в рейхстаг и в президентской избирательной кампании из опасения отпугнуть не готовых к столь масштабной внешнеполитической аванюре избирателей²⁸. После прихода НСДАП к власти произвольное цитирование *Mein Kampf* в Германии было запрещено²⁹, а тезис о необходимости колонизации территорий СССР и закабаления его «расово неполноценных» народов не озвучивался ни в средствах массовой информации Третьего рейха, ни в публичных выступлениях его государственных деятелей, включая самого фюрера. При этом два основополагающих постулата гитлеровской «восточной доктрины» — биологический антисемитизм и агрессивный антикоммунизм — не переставали звучать в нацистской пропаганде, как и нападки СМИ на «еврейско-большевистских правителей в Кремле», достигшие апогея летом 1936 г. в связи со сближением СССР с Францией и его противодействием фашистской интервенции в Испании. С одной стороны, руководство Третьего рейха внушало немцам, что спасло их от революционных потрясений и повторения ужасов большевистского террора, с другой — твердило об агрессивных замыслах Москвы, стремящейся всеми средствами, в том числе военными, распространить свое влияние³⁰. В ходе выступления в рейхстаге 7 марта 1936 г. Гитлер, подчеркивая собственные миролюбивые намерения, отмечал, что отклоняет сотрудничество «не с Россией, но с большевизмом, заявляющем о своих претензиях на мировое господство»³¹.

И все же предпринимавшиеся Гитлером и его ближайшими соратниками в 1930-е годы пропагандистские маневры ни в коем случае не означали отказа от обнародованной в *Mein*

²⁶ См.: РГВА. Ф. 1363к. Оп. 5. Д. 64. Л. 343–344.

²⁷ См. об этом подробнее: *Florin M.* Der Hitler-Stalin-Pakt in der Propaganda des Leitmediums. Berlin, 2009. S. 44ff.

²⁸ См.: *Koenen G.* “Rom oder Moskau”. Deutschland, der Westen und die Revolutionierung Russlands. Tübingen, 2003. S. 593–599.

²⁹ См.: Орлов Ю.Я. Указ. соч. С. 88.

³⁰ См., например: *Goebbels J.* Der Bolschewismus in Theorie und Praxis. Rede von Reichsleiter Reichsminister Dr. Goebbels auf dem Parteikongreß in Nürnberg 1936. Berlin, 1936.

³¹ *Hitler A.* Reichstagsrede vom 7. März 1936 // Damarus M. Hitler. Reden und Proklamationen. 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeithenossen: in 2 Teilen. Teil I. Triumph 1932–1938: 2 Bde. Bd. 2. Zweiter Band 1935–1938. Wiesbaden, 1988. S. 586.

Kampf геополитической программы³² и от намерения воспитать из немцев фанатичных покорителей «восточных земель». О том, что фюрер по-прежнему оставался верен этой идее, свидетельствует, в частности, тот факт, что изменения, вносившиеся в каждое новое издание его произведения, в наименьшей степени затрагивали главы, в которых рассматривались вопросы внешней политики³³.

К началу агрессии против СССР совокупный тираж *Mein Kampf* достиг свыше 6 млн экземпляров³⁴. Этот рекордный показатель использовался нацистами как пропагандистский козырь, призванный свидетельствовать о тотальной приверженности немцев идеям фюрера. Однако, как представляется, огромные тиражи произведения Гитлера еще не гарантировали ни его действительно массового и вдумчивого прочтения, ни автоматического одобрения читателями очерченных в нем геополитических перспектив. Более важным для понимания роли *Mein Kampf* в пропагандистской подготовке «Русского похода» является тот факт, что внешнеполитические разделы этой книги с самого начала подлежали изучению в системе мировоззренческого воспитания СА и СС³⁵, с 1934 г. внедрялись в программы немецких школ и университетов³⁶, а с сентября 1939 г. стали частью «духовного наставничества» солдат вермахта³⁷. Таким образом, идеи захвата и колонизации европейской территории Советского Союза прививались в первую очередь представителям того поколения немцев, формирование политических ценностей которого пришлось на годы господства национал-социализма. Именно этим молодым людям, воспитанным в духе абсолютной веры в фюрера и послушания ему, предстояло отправиться в «поход за новыми землями на Востоке» и обильно полить их своей и чужой кровью.

Свидетельством того, что на участников «Русского похода» с самого начала возлагалась задача не только захвата, но и частичного истребления населения оккупированных территорий СССР, являются преступные приказы и планы, разработанные военно-политическим руководством Германии в первом полугодии 1941 г. в соответствии с расовыми и геополитическими установками *Mein Kampf* и ставшие программой фактического геноцида советского народа³⁸. Известная преемственность этих замыслов с экспансионистскими устремлениями немецких элит накануне и в ходе Первой мировой войны не исключала различий между ситуациями, которые складывались в Германии в 1914 и 1941 гг. Эта разница заключалась не только в качественно иных масштабах предполагаемых территориальных захватов и изуверских способах «освоения» восточного пространства. В то время как военные цели Германской империи вынашивались как в правительственных, так и в общественных кругах и были предметом публичных дискуссий, все планы нацистской верхушки имели гриф «совершенно секретно». Тайна, в которой рождались эти планы, дала возможность Гитлеру, Риббентропу, а за ними и всем пропагандистам Третьего рейха выдвинуть тезис об «оборонительном» характере войны против Советского Союза. В первые месяцы

³² См., например: *Hitler A.* Rede vor den Spitzen der Reichswehr, 3. Februar 1933 // 100(0) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0109_hrw&object=facsimile&pimage=1&v=100&nav=&l=de (дата обращения: 09.04.2024).

³³ См.: *Hammer H.* Die deutschen Ausgaben von Hitlers “Mein Kampf” // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. Н. 2. S. 178.

³⁴ Ibid. S. 163.

³⁵ *Hass G.* Zum Russlandbild der SS // Das Russlandbild im Dritten Reich / Hrsg. H.-E. Volkmann. Weimar, 1994. S. 204–205; *Bartov O.* Op. cit. S. 163–266.

³⁶ *Volkmann H.-E.* Das Russlandbild in der Schule des Dritten Reiches // Das Russlandbild im Dritten Reich. S. 237.

³⁷ *Bartov O.* Op. cit. S. 163–266.

³⁸ См., например: *Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941–1944: Dokumente* / Hrsg. N. Müller. Köln, 1980; Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко и др. М., 1985; 1941 год. Страна в огне. Историко-документальное издание: в 2-х кн. / рук. проекта О.А. Ржешевский. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011.

«Русского похода» данный тезис стал для них единственно возможным обоснованием его начала, поскольку на этот раз морально-психологическое состояние немецкого тыла ничуть не напоминало тот шовинистический угар, которым была охвачена Германия в августе 1914 г. Сделав ставку на мобилизующую силу лозунга «защиты отечества» от советской военной угрозы, гитлеровское руководство не могло не отдавать себе отчет в его несовместимости с планами захвата, грабежа и колонизации территории СССР, изложенными в *Mein Kampf* многими годами ранее, когда эта угроза была исключена. Понимая это, Геббельс в своих наставлениях для агитаторов летом 1941 г. наложил категорический запрет на любые «предположения о том, что теперь, после занятия определенной части (советских. — С.А.) территорий, Германия в том или ином виде почувствует облегчение своего сырьевого или продовольственного положения»³⁹. Поэтому в целом можно согласиться с уже высказывавшимся в историографии мнением, что первые попытки легитимации «Русского похода» заключались не в оправдании его захватнических целей, но в их всемерном сокрытии⁴⁰.

Следует отметить, что еще накануне Второй мировой войны руководители Третьего рейха были вынуждены констатировать недостаток воинственных настроений в широких кругах населения. Нация, тяжело пережившая поражение 1918 г. и позор Версальского мира, в 1930-е годы поддерживала шаги Гитлера по его ревизии, но лишь до тех пор, пока данная цель достигалась мирным путем — преимущественно дипломатическими средствами. Если большинство немцев приветствовали аншлюс Австрии весной 1938 г., то, несмотря на последовавший вскоре отказ Гитлера от миролюбивой риторики и его попытки разжечь милитаристский психоз, многие из них в моральном и психологическом плане оказались не готовы поддержать силовое решение Судетского конфликта⁴¹, без энтузиазма восприняли захват Чехии в марте⁴² и нападение на Польшу в сентябре 1939 г.⁴³ Волна ура-патриотических чувств захлестнула страну лишь после одержанных летом 1940 г. быстрых побед на Западе и оккупации большей части Европы. Однако с осени того же года военная эйфория в немецком тылу начала спадать вследствие ухудшения экономической ситуации и осознания бесперспективности продолжения войны.

О том, что в Германии отсутствует военное воодушевление, что вместо него растет тоска по мирной жизни и что новая кампания будет скорее всего воспринята негативно, нацистские лидеры могли узнать весной 1941 г., в частности, из секретных донесений службы безопасности СС (СД)⁴⁴. В этих материалах, регулярно поступавших высшему государственному руководству и являвшихся для него важнейшим источником, отражавшим массовые умонастроения, суммировались разговоры, подслушанные сотрудниками и осведомителями спецслужб на производстве и в транспорте, в местах отдыха, магазинных очередях или на улицах во всех уголках рейха. Согласно эсэсовским сводкам, всеобщая усталость от войны достигла апогея к июню 1941 г., когда воскресли воспоминания о печальном опыте 1917–1918 гг. В этот период особой популярностью пользовалась мрачная шутка времен Первой мировой войны о сомнительной перспективе «напобеждать до смерти»⁴⁵. В начале лета 1941 г. в Германии с нараставшей тревогой следили за охлаждением отношений с СССР (были и те, кто обвинял в этом Гитлера). Определенные надежды на укрепление партнерства с Москвой связывались с возможным визитом И.В. Сталина в Берлин, слухи

³⁹ Цит по: *Weißbeker M.* “Wenn hier Deutsche wohnten” // *Das Russlandbild im Dritten Reich* / Hrsg. von H.-E. Volkmann. Köln, 1994. S. 37.

⁴⁰ См., например: *Wette W.* Op. cit. S. 62.

⁴¹ *Longerich P.* Joseph Goebbels. Biographie. München, 2010. S. 384–386.

⁴² См.: *Шнеер А.* Указ. соч. С. 415.

⁴³ Подробнее см.: *Reimann V.* Dr. Joseph Goebbels. München, 1976. S. 267; *Reuth R.G.* Goebbels. Eine Biographie. München, 2012. S. 457–458, 472.

⁴⁴ См.: *Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944* / Hrsg. H. Boberach. Berlin, 1965. S. X, 8–9, 36, 38, 54.

⁴⁵ Ibid. S. 95–98, 104, 107–108, 114, 141–142, 153.

о котором распространялись по предложению Геббельса нацистскими спецслужбами в целях пропагандистского прикрытия плана «Барбаросса»⁴⁶.

Известие о нападении на СССР застало подавляющее большинство подданных рейха врасплох. Реакция на воззвание Гитлера в первый день «Русского похода» отражена, в частности, в сообщениях СД от 23–26 июня 1941 г., согласно которым многие немцы пребывали в состоянии «некоторой растерянности», «нервозности», «испуга» (особенно женщины), «крайнего изумления и отчасти подавленности» и «шока»⁴⁷. Нацистская служба безопасности объясняла происходящее в первую очередь крушением надежд на скорое окончание и без того затянувшейся войны. В числе других (менее важных) факторов, «негативно влиявших» на умонастроения «фольксгеноссен»⁴⁸, отмечались беспокойство по поводу будущих человеческих жертв, боязнь «азиатских» методов ведения вооруженной борьбы большевиками, ожидания дальнейшего ухудшения продовольственного положения и тревога в связи с возросшей вероятностью объявления войны США. И если тяжесть предстоявших боев и их исход почти не вызывали опасений, то некоторые «робкие умы» выражали беспокойство относительно того, что захват и удержание под контролем гигантских «русских пространств» может оказаться — как когда-то для Наполеона — «исключительно трудным» или даже невыполнимым делом⁴⁹.

Конечно, зафиксированные в сводках СД повсеместные проявления сомнений и тревог отнюдь не означали принципиального несогласия подданных рейха с решением Гитлера о нападении на СССР, тем более что попытки критического осмысления ситуации были редким явлением на фоне массовых изъявлений лояльности нацистскому режиму. Но в то же время готовность большинства немцев подчиниться данному решению не предполагала активной поддержки им планов по «освоению жизненного пространства на Востоке», изложенных когда-то в *Mein Kampf*, как, впрочем, и понимания того, что настало время их реализации. Учитывая многолетние усилия нацистского режима по распространению этой книги, кажется поразительным, что начало «Русского похода» не пробудило среди «фольксгеноссен» воспоминаний об изложенном в ней сценарии немецкой экспансии на Восток. Во всяком случае, эсэсовские донесения об умонастроениях в рейхе в первые дни после нападения на СССР не содержат ни одного упоминания о том, что их «респонденты» восприняли происходящее как действия, направленные на расширение «жизненного пространства немецкого народа», и хоть как-то осознавали отведенную им роль будущих колонизаторов советских земель. Подобные свидетельства не встречаются и в источниках личного происхождения — как опубликованных, так и неизданных, но попавших в поле зрения исследователей дневниках и письмах, фиксировавших первую реакцию немцев на начавшуюся войну против СССР⁵⁰.

Интересно отметить, что, как свидетельствуют источники, в дни, предшествовавшие нападению на СССР, тема будущей германской колонизации советских территорий не являлась предметом обсуждения не только среди гражданских лиц, но и офицеров и солдат вермахта, прошедших гораздо более серьезную «идеологическую подготовку». Даже находясь в непосредственной близости от советских границ, многие из них, вопреки очевидным

⁴⁶ Ibid. S. 83–84, 89–90, 101, 104, 110, 127–128, 130, 133, 141, 143, 152–153; *Goebbels J. Tagebücher 1924–1945*. S. 1604.

⁴⁷ См.: *Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS: 17 Bde / Hrsg. H. Boberach. Bd. 7. Meldungen aus dem Reich vom 22. April – 14. August. Berlin, 1984. S. 2426, 2440, 2443.*

⁴⁸ *Volksgenosse* (нем.) — «соотечественник». Принятое в нацистской Германии обозначение ее граждан как «носителей немецкой крови».

⁴⁹ *Meldungen aus dem Reich. S. 2427–2429, 2441.*

⁵⁰ См., например: *Kempowski W. Das Echolot. Barbarossa '41: Ein kollektives Tagebuch. München, 2019; Schade E., Sträter W. Ein deutsches Kriegstagebuch 1939–1945. "Gott gnade Deutschland!" // Deutschlandfunk Kultur. 24.11.2021. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/ein-deutsches-kriegstagebuch-1939-1945-gott-gnade-100.html> (дата обращения: 20.04.2024); *Старцапов Н. Указ. соч. С. 185.**

фактам, убеждали себя в прочности пакта о ненападении и охотно принимали на веру даже самые нелепые, но «мирные» объяснения своего пребывания у советских границ. Поводами для этих «оптимистических надежд» служили посеянные секретными службами рейха слухи то ли о скором предоставлении военной помощи Сталину в усмирении «взбунтовавшихся красных генералов», то ли о переброске немецких частей по открытому Москвой коридору (через Кавказ на Ближний Восток) для боевых действий против британских экспедиционных сил⁵¹. В тех же случаях, когда скорое противостояние с Красной армией казалось неминуемым, основную тревогу у военнослужащих вызывала не возможность кровавых потерь, а сомнение в том, что вермахт обладает достаточными силами, чтобы закрепиться на «русских просторах». Согласно солдатским дневникам и воспоминаниям, после того, как вечером 21 июня 1941 г. в частях, размещенных у границ с СССР, был зачитан приказ Гитлера о выступлении, многие военные пребывали в состоянии, схожем с тем, которое испытают днем позже их соотечественники в тылу⁵². Однако благодаря царившей в вермахте железной дисциплине они тотчас (и, как нередко отмечали авторы тех же дневников, «с холодной решимостью») приступили к выполнению этого, а затем и других преступных приказов⁵³.

Следует отметить, что для обеспечения столь же безоговорочной поддержки новой агрессии гражданским населением рейха его властям требовались дополнительные усилия и время. Очевидно, что основная ответственность за выполнение данной задачи ложилась на Геббельса и его ведомство. Выступая 22 июня на секретной конференции перед ближайшими подчиненными, министр пропаганды призвал их «настроить сердца и души соотечественников в тылу так, чтобы фронт снова смог на них положиться». Одновременно с этим он указал на сложность поставленной цели, вытекавшую из внезапности военной операции и неготовности немецкого народа «к такому повороту событий»⁵⁴. Более того, как он отметил в тот день в своем дневнике, многие сотрудники министерства пропаганды были и сами «чрезвычайно» и «до глубины души» обескуражены новостью о нападении на СССР⁵⁵. На следующий день в этом же дневнике (на страницах которого автор нередко признавался в ненависти к большевизму и предвкушал его полный крах) появилась еще одна запись: «В народе слегка подавленное настроение. Народ хочет мира ... и каждый новый театр военных действий сулит ему огорчения и тревоги»⁵⁶. Это означало, что теперь ему и его подчиненным предстояло в кратчайшие сроки (в течение считанных дней) сделать то, что в иных обстоятельствах требовало долгой предварительной работы, а именно: убедить немцев в справедливом характере начатой кампании, внушить им уверенность в скорой победе и добиться их предельной эмоциональной вовлеченности в конфликт.

Достижению вышеуказанных целей должен был способствовать обширный комплекс мероприятий, подготовленных в лихорадочном темпе силами радио, прессы, кинематографа и целой армии штатных и внештатных пропагандистов. В ходе их проведения был задействован богатый арсенал давно испытанных средств, главным из которых являлась многократно повторенная ложь. Прежде всего это касалось тезиса о «превентивном», а значит, «оборонительном» характере войны против СССР, который звучал на всем ее протяжении, но особенно интенсивно внедрялся в массовое сознание в первые дни «Русского похода». Днем 22 июня воззвание Гитлера и нота Риббентропа были повторно озвучены

⁵¹ См., например: *Meldungen aus dem Reich*. S. 2394; *Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939–1945* / Hrsg. O. Buchbender. München, 1982. S. 65–68; *Feldpost aus dem Zweiten Weltkrieg* // Museumsstiftung Post und Telekommunikation. Briefsammlung. URL: <https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/> (дата обращения: 20.04.2024).

⁵² См.: *Керуов Р.* Указ. соч. С. 15–16, 20–24.

⁵³ См.: *Bartov O.* Op. cit.

⁵⁴ *Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1943* / Hrsg. W.A. Boelke. Stuttgart, 1989. S. 181.

⁵⁵ См.: *Goebbels J.* Die Tagebücher von Joseph Goebbels: in 3 Teilen / Hrsg. E. Fröhlich. Teil I. Aufzeichnungen 1923–1941: 9 Bde. Bd. 9. Dezember 1940 – Juli 1941. München u.a., 1998. S. 396.

⁵⁶ *Ibid.* S. 398.

по немецкому радио. Заранее подготовленные в обстановке строжайшей секретности брошюры с полными текстами этих заявлений получили распространение по всей Германии. На следующий день воззвание и краткое изложение ноты были опубликованы на первых страницах центральных и местных газет под поразительно схожими аншлагами, сообщавшими о вовремя разоблаченном «предательстве» новоявленного врага: «Немецкий меч разит. Ответ на московское предательство»; «Мощнейшее наступление всех времен. Против предательства Москвы»; «Фронт против большевистского предательства»; «Москва предала Договор о дружбе» и т.д.⁵⁷ Как можно заключить из аншлагов и размещенных в тех же газетах материалов, речь шла о сорванном «большевистско-англо-еврейском» («капиталистически-большевистском») «заговоре» («двурушничестве», «махинациях» и т.д.). Эти однотипные пароли были рассчитаны на то, чтобы вызвать у аудитории вполне определенную реакцию: горечь обманутых надежд на советскую поддержку в борьбе с Англией, негодование, усиленное перспективой затягивания войны, и жажду мести.

В первые дни «Русского похода» немецкое радио и газеты неоднократно обращались к своей аудитории с «разъяснениями» военных и политических обозревателей, которые в соответствии с секретными предписаниями Геббельса акцентировали внимание на ключевых положениях выступления фюрера от 22 июня. К «доводам» Гитлера и Розенберга комментаторы позволяли себе добавить лишь обильные похвалы фюреру за его изначальное «нежелание проливать немецкую кровь», умение вовремя разгадать «предательство» Кремля, терпение и выдержку в отношениях с будущим врагом, а также силу воли, которая потребовалась для принятия решения о «Русском походе»⁵⁸. Так народу и армии внушалась мысль, что начавшаяся война — это вынужденный акт самозащиты, что, несмотря на все миролюбие и долготерпение Гитлера, она была неизбежна, и что любое промедление с вторжением в СССР привело бы к катастрофическим последствиям. Помочь немцам смириться с крахом надежд на возвращение к мирной жизни был призван и другой тезис (насаждавшийся немецкой прессой по указанию Геббельса) — о невозможности достижения Германией победоносного мира на Западе, пока с Востока ей угрожала «коварная, готовая к нападению сила»⁵⁹. При этом министр пропаганды, естественно, не спешил ставить общественность в известность о том, что сам фюрер, отдавая приказ о вторжении в Советский Союз, не опасался нападения со стороны Москвы и считал его маловероятным как минимум до лета 1942 г.⁶⁰

Благодаря срочно принятым пропагандистским мерам уже на второй день войны против СССР нацистская служба безопасности могла констатировать, что «повторение по радио воззвания Гитлера и заявлений имперского министра иностранных дел, как и выпуски газет с их текстами, настроили людей на спокойный и рассудительный лад». Согласно тому же источнику, еще через пару дней в Германии «возобладала единодушная уверенность в том, что у имперского правительства не было иного выхода, кроме вооруженного ответа на подлое поведение России», и «первоначальная нервозность» сменилась «взвешенными суждениями», «более основательной оценкой положения» и «чувством спокойной собранности»⁶¹.

⁵⁷ См., например: “Das deutsche Schwert schlägt zu. Die Antwort auf Moskaus Verrat” // *Völkischer Beobachter* (Wiener Ausgabe). 23.VI.1941. S. 1–4; “Der gewaltigste Aufmarsch aller Zeiten. Gegen Moskaus Verrat. Das kapitalistisch-bolschewistische Zusammenspiel enthüllt” // *Kleine Volkszeitung*. 23.VI.1941. S. 1–6; “Der Verrat Moskaus an Europa. Das britisch-bolschewistische Komplott aufgedeckt” // *Illustrierte Kronen Zeitung*. 23.VI.1941. S. 1–4; “Komplott mit London von Moskau offen zugegeben” // *Völkischer Beobachter* (Norddeutsche Ausgabe). 23.VI.1941. S. 3–5.

⁵⁸ См., например: “Das Komplott im Kreml” // *Briesetal-Bote*. 24.VI.1941. S. 1; “Deutschlands weltgeschichtliche Mission. Ganz Europa im Zeichen der Abrechnung mit dem Moskauer Verräter”, “Der Gegenschlag hat gesessen. Wutgeheul der Plutokraten und Bolschewiken über die deutsche Abwehr” // *Briesetal-Bote*. 24.VI.1941. S. 2; “Durchsicht und durchkreuzt” // *Das kleine Volksblatt*. 24.VI.1941. S. 1; “In ganz Europa mühlte Moskau gegen das Deutsche Reich” // *Völkischer Beobachter* (Berliner Ausgabe). 24.VI.1941. S. 1.

⁵⁹ Wollt Ihr den totalen Krieg? S. 181–182.

⁶⁰ РГВА. Ф. 1363к. Оп. 7. Д. 27. Л. 26.

⁶¹ *Meldungen aus dem Reich*. S. 2427, 2440, 2443.

Следует отметить, что упомянутые «суждения» и «оценки», содержащиеся во многих донесениях СД, представляли собой почти дословные цитаты из воззвания Гитлера. Не меньшее место в общественных откликах на начало войны занимали проявления гордости за фюрера, принявшего это «единственно правильное и дальновидное» решение, восхищения его «сверхчеловеческой» выдержкой перед лицом нараставших угроз, а также сочувствия по поводу необходимости столь долго хранить в себе груз копившихся забот⁶². Поразительное сходство этих высказываний может объясняться лишь тем, что все они воспроизводили однотипные комментарии, услышанные накануне по радио или почерпнутые из газет. Почти слово в слово штампы геббельсовской пропаганды повторялись и во многих письмах из действующей армии, в которых солдаты и офицеры делились с близкими своей благодарностью Гитлеру за «своевременное» начало войны и «спасение Германии»⁶³.

Таким образом, в первые дни «Русского похода» его захватнические цели сохранялись втайне от большинства немецкого населения. Несомненно, учитывая миллионные тиражи *Mein Kampf*, идея восточной экспансии не была для немцев чем-то принципиально новым, однако важно отметить, что в начале войны с СССР она не озвучивалась не только в официальных СМИ, но и в частных беседах «фольксгенossen». Ситуация выглядела так, будто существовала молчаливая договоренность между властью и народом, согласно которой обе стороны предпочитали не вспоминать о широко объявленных «восточных» планах Гитлера с целью сохранить миф об «оборонительном» характере начатой Германией кампании. Более того, если исходить из уже упомянутых выше секретных сообщений СД, большинство подданных рейха поначалу не только не ожидали каких-либо выгод от войны на Востоке, но, наоборот, готовились к ухудшению своего положения, в том числе ввиду перспективы массового поступления пленных красноармейцев и необходимости делить с ними и без того урезанный рацион⁶⁴. Как свидетельствуют эти же источники, в ходе обсуждений немцами «Русского похода» те постулаты *Mein Kampf*, которые касались политического будущего противника после победы германского оружия, не упоминались, равно как и геополитическая аксиома Гитлера, также сформулированная в его программном сочинении и гласившая, что победа в будущей войне с СССР может быть одержана только в союзе с Великобританией⁶⁵.

Тот удивительный факт, что никто из «респондентов» СД в немецком тылу (как и авторов фронтовых писем и дневников) так и не обмолвился о гитлеровских планах колонизации советских земель, отчасти может объясняться опасениями открыто высказывать мнения, противоречащие государственной пропаганде. Нелишне предположить, что уже укоренившаяся в массовом сознании вера в фюрера способствовала принятию многими немцами официальной версии событий 22 июня, которая избавляла от сомнений в правомерности вторжения в Советский Союз, а заодно и от ответственности за происходящее. И все же «всеобщее молчание» подданных рейха о том, что хотя бы некоторые из них не могли не знать из *Mein Kampf*, вряд ли было обусловлено лишь бездумным конформизмом. Возможно, не менее веской причиной «массовой амнезии», охватившей немецкий народ в первые дни после нападения на СССР, являлось стремление сохранить веру в моральную правоту своей страны, а заодно и собственный психологический комфорт путем вытеснения из сознания истинных целей «Восточного похода». Наконец, еще одним вероятным объяснением негласного коллективного табу, наложенного в июне 1941 г. на упоминания об этих целях, может быть то, что перспектива расширения «жизненного пространства» за счет советских земель не воспринималась большинством немцев как нечто, имевшее отношение к их обыденной жизни и судьбе.

К сожалению, имеющиеся источники не дают возможности выйти за рамки предположений и найти однозначные ответы на вопросы о том, осознавалась ли большинством

⁶² Ibid. S. 2426–2427; *Stargardt H.* Указ. соч. С. 187–188.

⁶³ См., например: *Bartov O.* Op. cit. S. 212; *Das andere Gesicht des Krieges.* S. 70–72.

⁶⁴ *Meldungen aus dem Reich.* S. 2428.

⁶⁵ См.: *Hitler A.* *Mein Kampf.* S. 154, 157, 684, 690–691, 693, 699, 705, 753, 755, 756.

населения рейха связь между вторжением в Советский Союз и гитлеровской программой колонизации восточных земель, и если да, то почему она не стала предметом хотя бы непубличного обсуждения. В то же время анализ материалов немецкой официальной пропаганды и секретных указаний по ее ведению позволяет сделать однозначный вывод об отказе нацистских лидеров от использования этой программы как идеологического обоснования «Восточного похода» в пользу тезиса о внезапно начавшейся «превентивной» войне. Настойчивое внедрение данного тезиса в сознание масс позволило руководству рейха вызвать у большинства населения Германии «защитную» реакцию и в течение считанных часов после начала боевых действий против СССР провести хотя и запоздалую, но весьма эффективную психологическую мобилизацию, необходимую для продолжения этой кампании.

* * *

В заключение следует отметить, что, сумев убедить немецкий народ в оборонительном характере начатой против СССР войны, нацистские лидеры одержали лишь первую победу в развернутом ими на внутрисоюзном фронте пропагандистском «блицкриге». Чтобы развить этот успех и превратить достигнутый «защитный рефлекс» в синдром (по терминологии Э. Фромма) «оборонительной агрессии», им требовалось предельно дегуманизировать образ врага, созданный в первые дни войны с помощью старого клише о «еврейско-большевистской верхушке в Кремле» и, по сути, не внушавший негативных представлений об основной массе советского народа. Однако теперь, ввиду беспрецедентной жестокости планов по «освоению восточного пространства», этот образ должен был вселять в немцев не только ненависть к пресловутым «кремлевским правителям», но и уверенность в допустимости самых варварских методов ведения борьбы против советских военнослужащих и мирных граждан, на которых нацистской пропагандой вскоре будет навешан ярлык «недочеловеков». Наконец, в рамках пропагандистского обеспечения «Русского похода», как, впрочем, и кампаний 1939–1941 гг., необходимо было, учитывая печальный опыт осени 1918 г., создать в тылу иллюзию стабильности и «нормальности» существования в условиях войны. Приемы и методы, посредством которых нацистская пропаганда решала эти задачи в ходе военного «блицкрига» против СССР, а также происходившие под ее влиянием процессы «банализации» в немецком массовом сознании творимых на оккупированных территориях преступлений, ждут дальнейшего изучения.

Библиография / References

- Великая Отечественная война. 1941–1945: в 12 т. / под ред. С.К. Шойгу. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012.
- Гогун А.С. Черный PR Адольфа Гитлера: СССР в зеркале нацистской пропаганды. Документы и материалы. М., 2016.
- Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных / пер. с англ. А.Л. Уткина. М., 2010.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1982.
- Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985.
- Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко и др. М., 1985.
- Старгардт Н. Мобилизованная нация. Германия 1939–1945 / пер. с англ. А.З. Колина. М., 2021.
- Шнейер А. Воспоминания / пер. с нем. И.В. Розанова, С.Л. Фридлянд. Смоленск, 1997.
- 1941 год. Страна в огне. Историко-документальное издание: в 2 кн. / рук. проекта О.А. Ржешевский. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011.
- Gogun A.S. Chernyi PR Adol'fa Gitlera: SSSR v zerkale natsistskoi propagandy. Dokumenty i materialy [Black PR of Adolf Hitler: USSR in the Mirror of Nazi Propaganda. Documents and Materials]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Kershov R. 1941 god glazami nemtsev. Berezoverye kresty vmesto zheleznykh [1941 Through the Eyes of the Germans. Birch Crosses Instead of Iron Ones] / per. s angl. A.L. Utkina. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Mel'nikov D.E., Chernaia L.B. Prestupnik nomer 1. Natsistskii rezhim i ego fiurer [Criminal Number One. The Nazi Regime and its Fuhrer]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Orlov Iu. Ia. Krakh nemetsko-fashistskoi propagandy v period voyny protiv SSSR [The Collapse of German Fascist Propaganda During the War Against the USSR]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupatsionnoi politike fashistskoi Germanii na territorii SSSR (1941–1944 gg.) [Criminal Goals – Criminal Means. Documents on the Occupation Policy of Nazi Germany on the Territory of the USSR (1941–1944)] / sost. G.F. Zastavenko i dr. Moskva, 1985. (In Russ.)

Shpeer A. Vospominaniia [The Memories] / per. s nem. I.V. Rozanova, S.L. Fridliand. Smolensk, 1997. (In Russ.)

Stargardt N. Mobilizovannaia natsiia. Germaniia 1939–1945 [Mobilized Nation. Germany 1939–1945] / per. s angl. A.Z. Kolina. Moskva, 2021. (In Russ.)

Velikaia Otechestvennaia voina. 1941–1945 [The Great Patriotic War. 1941–1945]: v 12 t. / pod red. S.K. Shoigu. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo voyny [The Origin and Beginning of the War]. Moskva, 2012. (In Russ.)

1941 god. Strana v ogne. Istoriko-dokumental'noe izdanie [Country on Fire. The Historical Documentary Edition]: v 2 kn. / ruk. proekta O.A. Rzheshevskii. Kn. 2. Dokumenty i materialy [Book 2. Documents and Materials]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Bartov O. Hitlers Wehrmacht. Soldaten, Fanatismus und die Brutalisierung des Krieges. Hamburg, 1995.

Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939–1945 / Hrsg. O. Buchbender. München, 1982.

Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941–1944: Dokumente / Hrsg. N. Müller. Köln, 1980.

Florin M. Der Hitler-Stalin-Pakt in der Propaganda des Leitmediums. Berlin, 2009.

Goebbels J. Der Bolschewismus in Theorie und Praxis. Rede von Reichsleiter Reichsminister Dr. Goebbels auf dem Parteikongreß in Nürnberg 1936. Berlin, 1936.

Goebbels J. Die Tagebücher von Joseph Goebbels: in 3 Teilen / Hrsg. E. Fröhlich. Teil I. Aufzeichnungen 1923–1941: 9 Bde. Bd. 9. Dezember 1940 – Juli 1941. München u.a., 1998.

Goebbels J. Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern. München, 1929.

Goebbels J. Tagebücher 1924–1945 / Hrsg. R.G. Reuth. München u.a., 2003.

Hammer H. Die deutschen Ausgaben von Hitlers “Mein Kampf” // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. H. 2. S. 161–178.

Hass G. Zum Russlandbild der SS // Das Russlandbild im Dritten Reich / Hrsg. H.-E. Volkmann. Weimar, 1994. S. 201–224.

Hitler A. Mein Kampf. Zwei Bände in einem Band. Ungekürzte Ausgabe. München, 1943.

Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen H. Heims / Hrsg. W. Jochmann. München, 1986.

Hitler A. Reichstagsrede vom 7. März 1936 // Damarus M. Hitler. Reden und Proklamationen. 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeithenossen: in 2 Teilen. Teil I. Triumph 1932–1938: 2 Bde. Bd. 2. Zweiter Band 1935–1938. Wiesbaden, 1988. S. 582–596.

Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 / Hrsg. G.L. Weinberg. Stuttgart, 1961.

Jäckel E. Hitler und die Deutschen // Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz / Hrsg. K.D. Bracher. Bonn, 1986. S. 706–720.

Jahn P., Rürup R. Erobern und vernichten: Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin, 1991.

Kempowski W. Das Echolot. Barbarossa '41: Ein kollektives Tagebuch. München, 2019.

Koenen G. “Rom oder Moskau”. Deutschland, der Westen und die Revolutionierung Russlands. Tübingen, 2003.

Longerich P. Joseph Goebbels. Biographie. München, 2010.

Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944 / Hrsg. H. Boberach. Berlin, 1965.

Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS: 17 Bde / Hrsg. H. Boberach. Bd. 7. Meldungen aus dem Reich vom 22. April – 14. August. Berlin, 1984.

Reimann V. Dr. Joseph Goebbels. München, 1976.

Reuth R.G. Goebbels. Eine Biographie. München, 2012.

Shtyrkina O. Mediale Schlachtfelder. Die NS-Propaganda gegen die Sowjetunion (1939–1945). Frankfurt a.M., 2018.

Volkmann H.-E. Das Russlandbild in der Schule des Dritten Reiches // Das Russlandbild im Dritten Reich / Hrsg. H.-E. Volkmann. Weimar, 1994. S. 225–256.

Weißbaker M. “Wenn hier Deutsche wohnten” // Das Russlandbild im Dritten Reich / Hrsg. von H.-E. Volkmann. Köln, 1994. S. 9–54.

Wette W. Die propagandistische Begleitmusik zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion am 22. Juni 1941 // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. “Unternehmen Barbarossa” 1941 / Hrsg. G.R. Ueberschär. Paderborn, 1984. S. 45–66.

Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1943 / Hrsg. W.A. Boelke. Stuttgart, 1989.